

18+

ДАНИИЛ КОЧЕРГИН

АКВАРИУМ

Даниил Кочергин

Аквариум

«Издательские решения»

Кочергин Д.

Аквариум / Д. Кочергин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-642737-2

Возникали ли у вас сомнения в реальности нашей жизни, мира? Задавали ли вы уже себе эти вопросы: как нам отличить иллюзию от реальности, если то и другое есть продукт нашего сознания? Если мы осознаём реальность так, как проецирует её наше сознание, так что же: сколько «сознаний», столько реальностей? А какова объективная или абсолютная реальность? И есть ли она вообще, и что тогда «преподносит» нам наше сознание?

ISBN 978-5-00-642737-2

© Кочергин Д.
© Издательские решения

Содержание

Палата №5	6
Атика	8
Жемчужина планеты Дзело	8
Палатка	12
Дворец	20
Башня	24
У черного провала	24
Атика	26
Держатель печати	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Аквариум

Даниил Кочергин

© Даниил Кочергин, 2026

ISBN 978-5-0064-2737-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Палата №5

+++++

Белые стены, окна в деревянной раме, за окнами темно. В комнате свет. На подоконнике в глиняном горшке разросшийся кактус. Напротив меня – кровать с железными спинками и красно-белым в полоску матрасом, застеленным белой простыней. На кровати сидит худой старик в желтой с красными утятами пижаме. Под кроватью – стариковские тряпичные тапки со стоптанными задниками. Старик улыбается, можно предположить, рад моему пробуждению.

– Свет и тьма, – говорит старик, поправляя очки с толстыми линзами, – а не кажется ли вам, дорогой мой сосед, что это неравноценные понятия, чтобы говорить о каком-либо противостоянии? – старик выжидательно молчит и, не дождавшись ответа, продолжает: – Тьма – явление постоянное, а свет – только временное. Даже самый мощный источник света – звезды, имеют свой срок!

У меня нет сил ни говорить, ни двигаться, старик же продолжает:

– Свет имеет силу пока есть его источник, пока миллиарды фотонов беспрерывно пополняют ряды сотоварищей. Убери источник света – вся армия фотонов мгновенно падёт, и воцарится тьма!

Я опять погружаюсь в сон.

Серое небо, ветер, кремниевые скалы насколько хватает глаз. Среди скал люди, тысячи людей. Черные, развевающиеся на ветру одежды, белые как мел лица, серповидные мечи. Две огромные армии в ожидании схватки замерли друг перед другом. Высоко в небе, не нарушая напряжённой тишины, парят птицы в ожидании скорой добычи. Мгновение – и звон тысяч мечей обрушивается как гром в летнюю ночь. Скалы озаряются ярким светом – это мечи в смертельном танце высекают из черного камня свет.

Просыпаюсь от запаха молочной рисовой каши, тотчас заурчало в желудке. Кровать старика пуста, теперь он сидит у меня в ногах.

– Мы всё куда—то спешим, – звучит уже знакомый голос, – торопимся. Сами же придаем ускорение нашей жизни ожиданием. Накручиваем нить времени на катушку жизни, не зная, когда эта нить оборвётся, через сто оборотов, либо уже через два.

Перед глазами появляется крупная женщина средних лет. Она в белом халате, волосы спрятаны под платком, ярко покрашенные губы, в руках половник и тарелка. Это нянечка – Лариса Петровна. Увидев её, старик послушно семенит к своей кровати.

– Ну, что, Ванечка, проснулся? Давай-давай, поесть надо.

Лариса Петровна ставит на табурет тарелку с дымящейся кашей, а затем приносит стакан густо заваренного чая и большой кусок белого хлеба. Запах свежеспеченного хлеба окончательно разбудил меня и мой голод. Я сажусь и спускаю голые ноги с кровати на холодный пол, дрожащими руками беру кусок хлеба, вгрызаюсь в золотистую хрустящую корочку, ем обжигающую кашу, запиваю все это сладким чаем и жмурюсь от удовольствия. Старик сидит напротив со своей тарелкой каши, смотрит на меня и одобрительно кивает. На душе сейчас тепло и спокойно, мне нравятся моя чистая постель, горячая каша, моё имя и это всё, что сейчас имеет значение для меня.

Семён Львович

Мой сосед, Семён Львович – худой и высокий старик с вытянутым лицом, длинными, белыми волосами и круглой лысиной. Лысина напоминает ермолку поверх седых волос. Под высоким морщинистым лбом – глубоко посаженные серые глаза. Тонкий прямой нос и острый вытянутый подбородок. Вид имеет благообразный, начитан и образован, но склонен к философствованию – бесцельному и бесконечному.

Виталик.

Верный друг Семёна Львовича – Виталик. Он невысокого роста, с круглым лицом и копной пшеничных, постоянно растрёпанных волос, голубые выразительные глаза, небольшой нос аккуратной «уточкой», мелкие рыжие веснушки. Виталик в синей, в желтых треугольниках, пижаме и открытых кожаных сандалиях на голую ногу. Подмышкой он постоянно носит потрёпанную книгу Сервантеса «Дон Кихот» с большим количеством закладок, сделанных, судя по всему, из страниц этой же книги. Целыми часами, сидя на краешке кровати Семёна Львовича, он внимательно его слушает, иногда конспектирует, делая записи прямо на страницах многострадальной книги.

Семён Львович тепло и бережно относится к Виталику, ждет его. Если тот по какой-либо причине не приходит, пребывает в расстроенных чувствах: сидит на кровати, зажав ладони угловатыми коленями, и тихонько вздыхает. Когда же в дверном проеме появляется улыбающийся Виталик, лицо Семёна Львовича словно озаряется светом, излучаемым пшеничной копной и весёлыми рыжими веснушками.

Сава.

Ещё одним постоянным посетителем нашей палаты является обладатель смоляной кудрявой шевелюры и большого носа с горбинкой, делающим его похожим на сову. Впрочем, и зовут его соответственно – Сава. Он высок, жилист, энергичен. Большие карие глаза. Носит белую пижаму и резиновые сланцы на дырявые носки. Носки периодически меняются, но дырки остаются неизменным атрибутом его образа.

Если Виталик приходит слушать Семёна Львовича, то Сава – в поисках слушателей и поклонников, корреспондентов с камерами и оппонентов, пусть и в лице старого кактуса. Весь мир, по крайней мере каждая иголочка старого кактуса, жаждет услышать речи гения, взять у него интервью, узнать, наконец, ответы на самые важные вопросы, и Сава благосклонно позволяет это; объясняет, отвечает и даже снисходительно дискутирует с оппонентом.

Каждый раз у Сава очень мало времени. Он очень занят, о чём сразу же сообщает кактусу, затем усаживается на табурет, морщится, якобы от вспышек камер, приветливо машет кому—то рукой.

Словесные потоки, ниспровергаемые гением, могут продолжаться целый день с перерывом на обед и протекать иногда спокойно, даже монотонно, а иногда агрессивно: с криками, вскакиванием с места и демонстративным выходом из палаты.

Когда крики Сава сливаются с восклицаниями Семёна Львовича, в палате становится действительно шумно. Каждый старается перекричать другого, пугая при этом Виталика. Несмотря на то, что Сава и Семён Львович нарочито не замечают друг друга, иногда может показаться, что эти двое и стараются, собственно, друг для друга.

– После того, как живое существо отстрадает в аду и пройдет через все низшие формы жизни, оно, искупив этим свои грехи, вновь рождается на земле, получая тело человека! – цитирует Пураны Семён Львович.

– Убегай бредней угрюмых философов! – достает из Писания Сава, грозя пальцем кактусу.

Порой Сава переходит на другие языки, насколько я могу судить – английский, испанский и какой-то из тюркских, причем перемешивает их в одном предложении. С ним весело.

Атика

Жемчужина планеты Дзело

«Чуть ночь, я на корабль всхожу,
Шепнув «покойной ночи» всем,
И к неземному рубежу
Плыву, и тих и нем.»
Роберт Льюис Стивенсон

Крик чаек, скрип деревянного корабля, шум моря – я открываю глаза. Я знаю: лежу в трюме небольшой гафельной шхуны, покачиваюсь в такт в парусиновом гамаке. На мне старые белые клеши не по размеру, подпоясанные бечевкой. Гольный худой торс. Заскорузлая от морской соли кожа. Языком нащупываю отсутствие нескольких зубов. Сильно хочется пить.

С трудом выпутываюсь из гамака, пытаюсь держать равновесие. На четвереньках карабкаюсь по лестнице на палубу. Яркое солнце слепит, прикрываю глаза рукой, цепляясь за леер, осматриваюсь по сторонам. Вокруг море.

– Сохраняй надежду и не опускай рук, и судьба уступит тебе!

Это кричит мне Семён Львович. Он на носу шхуны и указывает по курсу корабля. Там берег, с широко раскинувшимся древним городом: городские стены, башни, величественный дворец, похожий на Собор Святой Софии. Так, верно, выглядел Константинополь.

У Семёна Львовича лицо красное от солнца. На нём чёрные порванные брюки и куртка с оборванными рукавами по плечи.

Рядом Виталик в таких же как у меня штанах, без верха. Красный как вареный рак, пшеница повязана платком, машет мне рукой.

– Позволь любому человеку говорить достаточно долго – и у него появятся последователи.

Оборачиваюсь: Сава цитирует автора «Острова сокровищ», кивая на Виталика и Семёна Львовича. Одет как мы. Похудевший, кожа коричневая от загара, рельефные жилистые мышцы.

За спиной Савы, на корме, несколько человек. Толстый черноволосый в красном выдавшем виды камзоле – очевидно капитан. Рядом – худые матросы в парусиновых рубахах и штанах. Капитан громко раздает указания, матросы разбегаются, спеша их выполнить.

– Всё, что удалось выпросить у жадной капитанской морды, – Сава протягивает глиняную кружку, – это твое, пей!

Пара глотков, вода теплая, затхлая.

– Что здесь происходит, где мы? – возвращаю пустую кружку Саве.

Он улыбается, но смотрит внимательно. Затем опрокидывает кружку над раскрытым ртом, ловит пару капель.

Я было открыл рот, но осёкся. Во-первых, чего ждать от человека, целыми днями болтавшего с кактусом, а во-вторых, нет сомнений: всё вокруг – круто замешанная галлюцинация. Лариса Петровна порой развлекала нас похожими историями, у пациентов с белой горячкой бывало и похлеще.

Тем временем Сава замечает потерю моего интереса к беседе, на губах появляется лукавая улыбка:

– Я рад, что избавлен от объяснений.

– Эй, ты! – орет капитан, – скоро берег, готовься покинуть шхуну!

– И как нам прикажешь добираться? – Сава оглядывается.

– Подплывет к берегу, потом вплавь, – Виталик подходит к нам, – такой договор. В порту беспокойно, ищут иноземцев.

Я смотрю на Виталика с интересом, прежде застенчиво молчаливого, даже пугливого, а теперь деловито рассуждающего. У него оказался тихий и приятный голос.

– Пёс с ним! – хмыкает Сава, звонко хрустнув пальцами. – Вплавь так вплавь.

– Может, ты объяснишь, что здесь происходит? – спрашиваю Виталика.

Он подходит вплотную, внимательно смотрит на меня. У осмелевшего Виталика разбита бровь. Голубые глаза стали ярче, веснушки расплодились под солнцем. Круглые щеки слегка впали.

– М-да, – растягивает Виталик, – выбитые зубы да вырванный клочок волос привлекательности тебе не прибавляют.

Я машинально провожу рукой по голове и ощущаю на темени большую залысину с огромной шишкой. Она тотчас отзывается острой болью.

– Ну ничего, до свадьбы заживет, – ободряюще улыбается Виталик, – обязательно расскажу, только давай выберемся на берег.

– Вынужден констатировать: наш друг сомневается в реальности происходящего, – Сава кладёт мне руку на обгоревшее плечо и по-дружески встряхивает. Я морщусь от боли.

В отличие от улыбающегося Сава Виталик смотрит озабоченно. Оборачивается к Семёну Львовичу за помощью. Тот идёт к нам. У него упругая походка, белые волосы туго стянуты на затылке, скрывая лысину. Взгляд ясный, без очков. Теперь он похож не на пережёванного мельницей Дон Кихота, а на рыцаря, готового атаковать самую мельницу.

– Как определить, что иллюзорно, а что нет, – обращается ко мне Семён Львович, он странным образом осведомлён о предмете беспокойности Виталика, – и иллюзия и воспринимаемая нами реальность – это проекция, созданная мозгом. Все есть плод его работы, всё есть иллюзия, им создаваемая. Нельзя быть уверенным, что воспринимаемое нами соответствует тому, что на самом деле окружает нас.

– Если не в силах отогнать иллюзию, расслабься и получай удовольствие, – улыбается Сава, цитируя Роберта Шекли.

– Да, Иван, поучаствуйте в ней осознанно вместе с нами!

– Да пожалуйста! – легко соглашаюсь я. Зачем спорить с иллюзией? – Только почему «вместе»? Вы часть моей галлюцинации, как все вокруг.

– Ну, – фыркает Сава, – нас-то ты помнишь!

– Да, помню. Но помню совсем другими. Скажем, не такими разумными.

– Вы же понимаете: объективной реальности не существует, – снисходительно улыбается Семён Львович, – любое состояние наблюдатель оценивает по-своему, в зависимости от того, с какого места он за этим состоянием наблюдает. Ни одна из этих оценок не будет неправильной. Раньше вы наблюдали нас со стороны, теперь – среди нас.

– Парадокс друга Вигнера! – паясничает Сава, поднимая палец. Семён Львович морщится.

– Кроме того, – продолжает свою мысль Семён Львович, – если представить, что природа наделила наше сознание таким набором физиологических способностей, который в принципе не может обеспечить восприятие реальности без искажений, то к мысленным экспериментам добавится ещё и физиологический аспект.

– Там, в палате номер пять, ты ведь не ставил под сомнение реальность, – после недолгой паузы подключается Виталик, – но могу поспорить: ты не помнишь, как туда попал. Так же, как и сюда. Не всё однозначно: где реальность – здесь, там или вообще нигде?

Мимо нас двое матросов катят по палубе огромную бочку.

– О! – вскрикивает Сава, указывая на бочку, – мне бы плавсредство раздобыть. Плаваю я так себе, да и не понятно, что в этих водах водится.

Сава уходит, Семён Львович слегка касается моей руки, чтобы привлечь внимание, ждет от меня хоть какой-то реакции, но я молчу. Голова вот-вот лопнет от обилия впечатлений, море, шхуна, свет, запахи, звуки.

– Ну и отлично! – Семён Львович хлопает в ладоши, расценив молчание за согласие. – Там либо галлюцинация кончится, либо уверуете в подлинность происходящего.

Тем временем шхуна подошла к берегу на расстояние крика.

– Дальше вдоль берега в сторону порта, а нам пора сходить. Здесь берег хороший, форменный пляж, – Виталик вытягивает шею, высматривая Саву, – будем спускаться здесь.

Сава, по-матросски, широко ступая, идет к нам, в руках небольшой бочонок:

– Ну вот, я готов.

Спускаемся по очереди по штурмтрапу. Капитан, посмотрев в нашу сторону, отворачивается, делая вид, что не замечает нас. Первым идет Виталик, неуклюже плюхается животом. Пшеничные волосы разом намокают. За ним я аккуратно спускаюсь в воду. Вода не холодная, но очень соленая, обожжённую солнцем кожу болезненно щиплет. Слышу за собой всплеск, это Сава, ухватившись за бочонок, как за спасительный круг, прыгает в воду. Из-за соли вода плотная, утонуть в такой сложнее, чем не утонуть, но ему так спокойней. Последним, по-стариковски кряхтя, лезет в воду Семён Львович. Плыву брасом, чувствую, что плавать умею хорошо, мышцы помнят. Спокойно обгоняю Виталика, пытающегося плыть кролем, фонтан брызг.

Выбираюсь на сушу – мягкий песок, ощущение качки. Шхуна продолжает движение без нас, капитан, как и прежде, не смотрит в нашу сторону.

За узкой полоской пляжа протоптанная дорога, ведущая вдоль берега к городу. Вдоль неё редкие деревья, похожие на белую иву. За ней обширный пустырь с сухостоем, затем одноэтажные глиняные постройки вдоль узких улочек. На одной из них палатки и стеллажи с двух сторон, оживлённая торговля. По всей видимости, пригород.

Рядом со мной, в тени дерева сидят двое мальчишек. Черные как смоль кудрявые волосы, смуглая кожа, большие черные глаза. Они устроились на камнях и с интересом смотрят на меня. Одеты в жёлтые длинные рубахи, у каждого на поясе бурдюк. После соленой воды жажда невыносима.

– Ребята, дайте попить, – прошу я, дублируя жестами.

Мальчишки переглядываются, встают и подходят, отвязывая бурдюки.

– Здесь интересный обычай: никогда не отказывать в воде и еде, – говорит Виталик. Он уже выбрался на берег и пытается заново связать платком намокшую пшеницу.

– О-очень хороший обычай! – Сава помогает Семёну Львовичу выбраться из воды.

– Имейте в виду: вода и особенно еда здесь недешевые, – уточняет Виталик, – злоупотребляя безотказностью, легко навредишь дающему.

– Да-да, по одному глотку, не более, – Семён Львович первым прикладывает к бурдюку.

Моя очередь. Вода на удивление холодная и слегка газированная. Жмурюсь от удовольствия.

Мальчишки, получив бурдюки назад вместе с нашей благодарностью, молча стоят среди нас.

– Я думаю, нам туда, – Сава кивает в сторону города.

– Определено, – соглашается Виталик, – но идти открыто по дороге опасно. Нужно найти караульных Бахтии, показать им печать. Они доставят нас к ней самой.

– И где мы найдём этих караульных? – оглядываюсь по сторонам. – Возможно, на том рынке?

– Солдаты Бахтии патрулируют только в городе, – вмешивается один из мальчишек и протягивает мне руку, – я Си, а он Гел.

– Привет, Си. Привет Гел, – садится на корточки Виталик, – мы приехали к Бахтии, она ждет нас.

– Бахтия никогда никого не ждет, она всегда и везде, – Си улыбается, обнажив желтые зубы. Так улыбаются, объясняя очевидные вещи.

Виталик выуживает из-за пазухи внушительный медальон и, положив его на ладонь, показывает мальчишкам. Золото блестит на солнце.

– Наш путь к Бахтии – наше испытание, – говорит он, проводя пальцами по отisku на медальоне в виде головы горгоны Медузы. – Печать Бахтии!

Мальчишки зачарованно смотрят, открыв рты.

– Тебя провести ко дворцу Бахтии? – тихо спрашивает Гел.

– Нет, – Виталик качает головой, – найдите караульных, покажите печать и приведите их к нам. А ещё нужно укромное место.

– Вы, наверное, важный человек! – Гел принимает сурово-деловой вид, старательно хмурия брови.

– Можно спрятаться в палатке башмачника, там сейчас никого нет, – Си осторожно берет двумя руками медальон, затаив дыхание.

– Отлично. Где она? – Виталик поднимается с корточек.

– Вон, у самого края, – Гел указывает на палатку с занавешенным старыми тряпками входом, в начале торгового ряда.

Мальчишки уходят в сторону города с важным заданием – невероятно гордые. Мы движемся к палатке по одному, чтобы не привлекать внимания.

Сомнения в реальности происходящего постепенно сменяются уверенностью. Фрагменты многих жизней мелькают передо мной – живые и нарисованные картинками. Некоторые я уже видел во сне, другие впервые. Сон с мечниками на чёрных скалах приносит новые ощущения, возможно, возвращает забытые. Непередаваемые, заставляющие схватиться за горло руками: голова, срезанная мечом, скачет по камням. Не знаю, был ли я на этих скалах, но название места знаю точно – Крисимс.

Палатка

Маленький шарообразный бородач-торговец медной посудой удивлённо смотрит, как мы по очереди исчезаем в заброшенной палатке сапожника. Это вместительный деревянный каркас в форме куба. Внутри валяется разный хлам: старые колодки, стёртые каблуки и дырявые подошвы. Смесь запахов, но преобладает тухлятина, видимо, рядом продают рыбу. Тяжёлый липкий воздух, звуки уличного рынка.

Мы располагаемся на песчаном полу. Виталик усаживается по-турецки в центре, остальные ложатся вокруг.

– Так, что это за место? – обращаюсь к Виталику, – ты обещал рассказать.

– Что именно хочешь знать?

– Рассказывай всё и всем, – подключается Сава.

– Ну, хорошо, – со вздохом соглашается Виталик, – тогда с самого начала: планета Дзело, диаметр двенадцать тысяч земных километров. Протяжённость по экватору, стало быть... – Виталик в уме умножает диаметр на число Пи, – составляет порядка тридцати семи с половиной тысяч километров.

– Немногим меньше нашей Земли, сопоставимо с Венерой, – вставляет Семён Львович, убирая пот со лба внешней стороной ладони.

– На севере и юге – два огромных океана. В центре – два крупных материка: северный холодный, южный теплее. Сутки в два раза длиннее земных, год равен нашему, – продолжает Виталик. – Несмотря на долгие ночи, спать здесь принято по-земному: не дольше обычного.

Сава замечает мое удивление и улыбается.

– Вы обязательно всё вспомните, – говорит Семён Львович, поворачиваясь ко мне, – считайте это путешествием, или, как мы их называем, «выходом». Не первый: их было несколько, каждый оставляет в нас свой след. В первую очередь, это полученные знания, умения. Виталий, например, освоил великое умение следопыта: на основании события просчитывает обратную последовательность колебаний его развития вплоть до «первого взмаха крыльев бабочки» и восстанавливает всё, что происходило до настоящего момента.

– А сколько было таких путешествий... выходов? – интересуюсь я.

– Четыре. Точно помню четыре, – Семён Львович набирает пригоршню песка и медленно высыпает его перед собой, вытянув руку на уровне глаз. Песок сверкает в лучах, пробивающихся сквозь парусину палатки. – Каждый имеет свою цель и длится, пока она достижима. Иногда многие годы.

– Самый долгий был на Крисимсе, – Сава морщится от пыли, поднятой манипуляциями с песком, – по нашим подсчётам, мы провели там более пятидесяти земных лет.

– Да, – кивает Семён Львович на моё удивление, – и главное: мы не постарели. Словно остановили автобус и получили дополнительную жизнь. Удивительно!

Да, аллегория про автобус я уже слышал. Семён Львович часто использовал её в мудрствованиях о скоротечности бытия. «Принцип незнакомого маршрута», так он её называл: ты единственный пассажир автобуса, идущего по неизвестному маршруту к конечной остановке. Где и когда он остановится, никто не знает. Автобус держит одну скорость, не притормаживает, чтобы дать время похандрить или поностальгировать, едет и едет, и останавливается так внезапно, что порой ты не успеваешь допить утренний чай. Ещё он любил добавлять: «Зачем через меру тужить о вышедших раньше – на следующей тебе самому выходить, успевай жить».

– Государство Атика. Это место, где мы находимся, – чуть раздражённо продолжает Виталик, недовольный тем, что его перебили, – одна из крупнейших цивилизаций Дзело, расположена на юго-востоке большего из двух материков, – Виталик ржавым сапожным гвоздиком на песке визуализирует рассказ.

– С севера государство защищено горной цепью из вулканических пород, известняка и гранита, она тянется далеко на запад за Атику. С востока и юга его защищает океан. Единственный выход находится на западе: там горы с севера и побережье с юга максимально сближаются, образуя проход расстоянием в шестьдесят земных километров, – на песке вырисовывается бутылочное горлышко.

– Вот здесь, одноименная столица Атики, – рядом с горлышком Виталик рисует круг, – своей мощью и площадью она ограждает остальную территорию от врагов. Есть ещё два крупных города, далее расположены только небольшие поселения.

Виталик рисует ещё несколько кружков, обозначая города и поселения.

– В предгорьях севера страны много серебра, железа, меди, крупные месторождения мрамора. Главное, конечно, золото: почти половина запасов планеты здесь. Как и на Земле, оно есть основной инструмент торговли и мерило богатства.

– Там же находятся истоки больших рек, – словно энциклопедия, продолжает Виталик, – в долинах центральной Атики раскинулись плодородные земли. На западе, за Атикой, в предгорьях обосновались многочисленные племена. Наиболее крупное – волхи, очень примечательные. Далее на запад – огромная пустыня, серьёзное препятствие для тех, кто хочет пробраться в Атику по суше. За ней – Свободный город: раньше мелкие государства, теперь сообщество торговцев, центр свободной торговли.

Рисунок Виталика упёрся в кучу старого тряпья.

– А тут винары – самое крупное и мощное государство на Дзело.

Солнечные лучи, пронизывающие спицами палатку сапожника, замерцали и пропали – кто-то стоит снаружи, перекрывает свет. Сава встает первым, в руках у него треснувшая деревянная колодка. Смешное оружие, но что-то подсказывает, что в руках Савы это серьёзный аргумент.

– Четверо. Из них трое с оружием. Мечи в ножнах, – и без того большие ноздри Савы раздуваются ещё шире: он принохивается.

Я тоже чую стоящих снаружи: торговца медью, которого я видел раньше при входе в палатку, и трёх других, затянутых в кожаные доспехи. В этих людях нет опасности. Интересные новые ощущения. Семён Львович улыбается, заметив, как я их слушаю. Он спокоен, не видит угрозы. Стоит посреди палатки прямо на рисунке Виталика, ноги широко расставлены, руки за спиной. Виталик бесшумно встаёт рядом со мной.

– Входите, господа!

Немного помешкав, откинув парусину, входят трое мужчин. Торговец снаружи пытается заглянуть внутрь, привстав на цыпочки. Вошедшие очень похожи друг на друга, возможно, близнецы. Одеты одинаково: тёмно-синие шаровары и свободные синие рубахи, поверх которых ремнями затянуты потёртые кожаные доспехи. На головах жёлтые тюрбаны, грязные от пота и пыли; из-под них торчат чёрные кудрявые волосы. На смуглых лицах – аккуратно выбритые чёрные бороды. На груди у каждого приколот небольшой значок из белого металла в форме открытой ладони, очень похожий на символ хамсы. Они напряжены, но, увидев, что мы без оружия, успокаиваются.

– Кто ты? Назовись! – один из вошедших старается говорить повелительно, но голос предательски дрожит. Вид у нас необычный, а высокий Семён Львович своей уверенностью и статью напоминает памятник Петру Великому, что возвышается в Коломенском парке.

– Представьтесь вы! – Семён Львович не намерен уступать инициативу.

Гости несколько обескуражены таким приёмом.

– Братья Абискив, – не давая им опомниться, громко говорит Виталик. – Хранители правопорядка и интересов господина Сирто, хозяина местных земель. Вот его знак, – Виталик кивает на хамсу на груди одного из них, – кроме того, жёлтые тюрбаны носят только его гвардейцы.

– Братья Абискив, гвардейцы Сирто, – задумчиво повторяет Семён Львович, – кстати, как поживает многоуважаемый господин Сирто?

– Не имею понятия, но визит к нему у нас запланирован, – вместо гвардейцев отвечает Виталик.

– Да! – Семён Львович опять опережает братьев, не давая вклиниться в разговор. – Сирто ждет нас! Можем ли мы рассчитывать на помощь наших новых друзей в организации встречи?

– Впрочем, – картинно размышляя, продолжает Семён Львович, – такие вопросы наверняка решает его личная канцелярия. Не смею вас задерживать..., – разочарованно разводит руками.

Братья Абискив недоуменно переглядываются.

– Тем не менее, – поднимает руку Семён Львович, – можем ли мы попросить наших новых друзей доложить о нас в канцелярию Сирто? Конечно же, учитывая важность и срочность вопроса.

Братья неуверенно кивают.

– Отлично! – Семён Львович радостно бьёт по бёдрам, выбивая облако пыли из штанов. – Мы обязательно поблагодарим Сирто лично за помощь его гвардейцев. А именно – братьев Абискив!

Братья смущённо улыбаются. Семён Львович улыбается в ответ, откашливается и официальным тоном обращается к ним:

– Уведомите канцелярию Сирто: прибыли послы из..., – щёлкает пальцами.

– Из Крепта, – подсказывает Виталик.

– Из Крепта в Атику, просим встречи, когда Сирто удобно.

Братья прикладывают руку к груди в знак почтения и принятия поручения и уходят, так и не проронив ни слова. Торговец медью, растерянно улыбаясь, занавешивает парусину на входе.

– Bravo, – тихо хлопает в ладоши Виталик, – без применения силы.

– Лёгкие деньги, – Семён Львович слегка кланяется.

Сава выбрасывает колодку.

– Кровищи бы напустил, – подначиваю его с улыбкой.

В ответ он широко улыбается и шутливо берёт меня в захват за шею. Стальной захват. Теперь я вспоминаю: Сава редко пускает кровь, он чаще передавливает кости и внутренности, не повреждая оболочки. Неимоверной силы и скорости, железный человек. В памяти звучит хруст сотен раздавленных черепов и шейных позвонков. С каждым разом я всё отчётливее ощущаю силу своих мышц, которую отметил ещё во время нашего заплыва. Но сила Савы несравнима: в его объятиях я словно тряпичная кукла.

– Да-да, я понял, – хлопаю Саву по плечу, – отпусти, плечи горят!

– То-то, – Сава, обняв и приподняв меня, отпускает. – С кровью скорее к тебе, мастеру режущего и колющего.

Семён Львович и Виталик улыбаются, а я при упоминании режущего нервно трогаю себя за горло – неприятные ощущения. Откуда они, не пойму. Сава, заметив это, по-дружески прижимает меня к себе.

Догадываюсь, что с Савой нас связывают дружеские отношения. Думаю, я люблю его компанию, скучаю по общению, а он относится ко мне бережно, порой перебарщивая с заботой.

– Да, та ещё парочка! – Семён Львович словно читает мои мысли, затем кивает Виталику. – Продолжим?

– Извольте, – Виталик садится в центре, мы устраиваемся вокруг.

– Бахтия, живая богиня Атики, продолжательница древнейшего рода, уходящего тысячелетиями к первому Бахтии – названному богом жителю этих земель. Первый Бахтия выделялся высоким ростом и длиной пальцев. Несомненно, обладал и другими уникальными каче-

ствами, заставившими окружающих поверить в его божественность, но какие именно – не знаю. В любом случае, через тысячелетия потомки Бахтии пронесли только высокий рост и длину пальцев, что, впрочем, никого не смущает. Вера в Бахтию чиста и непоколебима. Не вдаваясь во все подробности, отмечу только, что вера в Бахтию подкрепляется главной святой книгой, сотней святых писаний, народными праздниками, древними традициями и обрядами. Прочь сомнения. Бахтия – это гармония. Бахтия не требует поклонения, только чистых помыслов.

– Кстати, – Сава вмешивается в паузу, – медальон с Горгоной, что отдали мальчишкам, на нем изображена Бахтия?

– Символ Бахтии, – устало отвечает Виталик, – печать. И там, конечно, не Медуза, а лицо Бахтии на фоне солнца.

Снаружи рынок поубавил шум. Солнечные спицы перестали пронизывать палатку, и внутри заметно потемнело.

– Официально Атикой правит Бахтия, своеобразная феодальная теократия, – продолжает рассказ Виталик, – ей помогает совет из глав трёх великих семей: Сирто, Батогана и самого могущественного Морэ, он и есть глава этого совета. Между ними поделены сферы влияния и доходы. Фактически вся Атика – их вотчина. Исключения: дворец Бахтии с многочисленными постройками, роскошные казармы золотой гвардии, владения держателя печати и советника Салима, а также крепость Гармония. Пусть вас не обманывает название: на самом деле это огромная тюрьма а—ля Бастилия.

Главы чтут Бахтию наравне со всеми, но в управлении государством прислушиваются к ней лишь когда это не противоречит их собственным интересам. Пока им удаётся взаимовыгодно сосуществовать, верхи спокойны. Сила Бахтии – в народе Атики, в его вере и преданности. Но народ этот принадлежит главам семей.

Изнываю от жары и голода. Хочется смыть липкий, смешанный с пылью пот, надеть чистую пижаму, вдохнуть через форточку осенний московский воздух. Ещё крепкий чай, горячая каша и хрустящий хлеб. И наконец рухнуть в постель.

Некоторое время молчим, растянувшись на песке. Рядом по песку цепочкой тянутся красные жучки, похожие на клопов—солдатиков. Возвращаются домой к ночи, никого не трогая. Пусть.

Я лежу, подложив руку под голову. Шишка на голове пульсирует, глаза щиплет от пота.

– Около трёх месяцев назад Атику посетил правитель Крепта, – полусонным голосом продолжает Виталик. Теперь он тоже лежит, глаза закрыты.

– Это небольшое государство на северном материке Дзело. Инициатором визита выступил хранитель печати Салим. Он держал это в секрете до последнего, чем очень рассердил глав семей.

Рынок совсем затих. По низу потянуло прохладой с моря, в палатке стемнело. Только голос Виталика:

– У Атики есть исторические враги – винары. На протяжении тысячелетия делятся непрекращающиеся войны и раздоры. То винары хотят покорить Атику, жемчужину Дзело, то Атика стремится разбить винар и простереть свою власть «от моря до моря». За всё время едва наберётся пара сотен мирных лет. Были разные времена, но из любого конфликта стороны выходили потрёпанными, обложенными контрибуциями, и каждый раз оставались непокорёнными.

Теперь исход конфликта предрешён. Винары, в отличие от богатой и плодородной Атики, вынуждены были делать чуть больше, думать чуть быстрее, кидать чуть дальше. Это едва заметное «чуть», помноженное на тысячелетие, привело к прогрессу государственной системы в целом и науки винар. Паровые двигатели, нарезные ружья с кремневым замком, полевая артиллерия с нарезными казнозарядными орудиями, регулярная армия – прогресс относительно не только Атики, но и всех стран на Дзело.

Умело используя политические, экономические, а где необходимо и военные меры, винары поставили остальные государства южного материка чуть ли не в вассальную зависимость. Созданные ими союзы, заявленные как военно-торговые объединения взаимовыгодного сотрудничества, по сути обслуживают только винар, полностью подчиняясь их воле. С Атикой винары не хотели никаких союзов и не требовали её подчинения, как от других. От неё требовалось только одно: Атика должна была просто исчезнуть.

Около полугода назад посольский дом винар в полном составе покинул Атику якобы на празднование Айфы, религиозного праздника винар. Позже, через месяц, из Винарии в Атику неожиданно вернулись атикийские послы. Точнее – только их головы. С этого момента появление огромной объединённой армии Винарии и их вассалов у стен Атики стало вопросом времени.

Главы семей считают, что с винарами можно договориться, и сейчас занимаются этим – в тайне друг от друга, пытаясь выторговать побольше для себя за счёт остальных. Салим же уверен: Древет, правитель Винарии, не упустит возможность уничтожить Атику раз и навсегда, осуществив многовековую мечту всех правителей Винарии. Переговоры с главами – лишь видимость, чтобы раскочерить ситуацию изнутри.

В палатке очень душно. Откинув парусину, Сава впускает морской воздух. Снаружи сумерки. Торговец медью, звеня ключами, закрывает ставни своей лавки, оглядывается, пытаясь разглядеть, что происходит в нашей палатке, но уже ничего не видно.

– Итак, – продолжает Виталик, – если войны не избежать, то к ней необходимо подготовиться. Салим разработал план, в котором важную роль должен сыграть Крепт – долгие снежные зимы, но тёплые люди. Конечно, участие или неучастие крептов не станет определяющим моментом в приближающейся войне, прежде всего из-за их удалённости и немногочисленности. Хотя помощь лучников и стрельцов, которыми так славятся крепты, была бы как нельзя кстати. Они в расшитых золотом синих камзолах поражают живую силу противника на дистанции до трёхсот метров. Но план Салима не только в лучниках, даже совсем не в них, а в других обитателях этого северного государства.

На территории Крепта водится редкий пушной зверек, что-то вроде нашего соболя. Его мех высоко ценится на всём Дзело, но больше всего его ценят волхи, помните племя скотоводов на западе?

– Которые примечательные... – подаёт голос Сава.

– Они самые, – кивает Виталик. – Волхи ценят этот мех больше всего на свете. Но примечательны они, конечно, не только этим, а в первую очередь своими размерами: огромным ростом и мышечной массой, которая образуется только у мужской части из-за генетических изменений. Судя по всему, это как блокировка миостатина у бельгийских голубых коров. И кроме того, они воины – отличные мечники и наездники. Уникальные мечи для них куют сарты, соседнее племя ремесленников, а мощные лошади, способные карабкаться по скалам словно горные козлы, выведены ими самими. Не зря же они скотоводы.

– И много их? – спрашивает Сава. Он стоит у входа в палатку и смотрит на небо.

– На самостоятельную армию не хватит, но они могут пробить глубокие бреши во флангах проходящей мимо армии, затем отступить в горы и из надёжных укрытий истребить тех, кто рискнёт преследовать. Повторить манёвр неоднократно. Это несомненно заставит Древета отвлечь крупные силы для блокировки волхов в горах.

– Значит, Салим хочет купить волхов за мех, который планирует получить от крептов.

– Волхи это знают и ждут предложения. В лице вождя Торкапра они намерены выторговать максимум предпочтений. И это не только мех, хотя он главное. Они более благосклонны к атиканцам как к добрым соседям, но если выгода окажется в нейтралитете или, хуже того, в союзе с винарами, то выберут выгоду. Ко всему прочему, они главные поставщики наёмников на всём южном континенте.

– Да, так себе народец, – подытоживает Сава.

– Не хуже других, – парирует Виталик. – В общем, Салим хочет, чтобы переговоры с волхами провели крепты.

– Что ж, нормальный план, – говорит Семён Львович. – Правильно ли я понимаю, что Салим решил выйти на крептов в тайне от глав семей?

– Салим закидывал удочки, но главы не стали его слушать, – наше участие оживляет Виталика. – Он рискует: вести самостоятельную игру, даже прикрываясь именем Бахтии, опасно, а главное – не на что: всё золото в распоряжении глав семей.

– На что же он хочет купить мех у крептов?

– Золото, но заплатит им потом. После победы над винарами устыженные главы семей выплатят все долги, либо им помогут волхи. В случае поражения требовать будет не с кого.

– Ого! И как он собрался завлечь крептов в эту авантюру? – спрашиваю я, подтверждая, что не сплю.

– Любовью. Ну как без неё, – картинно вздыхает Виталик. – Салим сделал ставку на личное отношение Даримира, правителя Крепта, к Бахтии. Ещё молодым человеком, прибыв с отцом в Атику, Даримир увидел юную дочь божественного отца и влюбился без памяти. Долгие годы осыпал её подарками и любовными письмами, которые Бахтия принимала как должное, не обращая особого внимания. Но не Салим. Узнав о любви Даримира, он держал его на крючке, в тайне от Бахтии поддерживая от её имени переписку с правителем Крепта. Делал это искусно: не подавал серьёзных надежд, но и не давал огню потухнуть. Как оказалось, не зря. Пришло время разыграть этот козырь.

– Мне прямо-таки нравится этот Салим! – восклицает Семён Львович и хлопает в ладоши.

– К слову сказать, таких козырей у Салима припасено немало. Сложнее всего было убедить саму Бахтию на встречу с Даримиром. Она справедливо полагала, что влюблённый Даримир может неверно истолковать такое приглашение, но Салим заверил её: это только деловой визит. Бахтии достаточно выказать незначительные знаки внимания – и всё это ради спасения Атики.

Наш интерес к рассказу возрастает, Виталик вновь садится, поджав под себя ноги:

– Уверен, Даримир понимал, что приглашение вызвано грозящей войной с винарами, но тем не менее без промедления отправился в Атику. И, увидев Бахтию вновь, окончательно потерял голову. Величественная, прекрасная, тонкая, божественная – какими только эпитетами он не награждал её.

Всё шло по плану Салима, за исключением одного: сама Бахтия рассмотрела Даримира. Вместо шестнадцатилетнего юноши перед ней предстал сформировавшийся мужчина, не уступавший ей в росте. Широкие плечи, красивое лицо, львиная грива золотых волос и влюблён в неё без памяти. Так что целомудренные знаки внимания, которыми Бахтия награждала Даримира, уже не были столь наигранными.

Салим же, не подозревая об этом, собирается использовать Крепт втемную: наобещать влюблённому Даримиру столько, сколько тот сможет унести, а потом, если дело выгорит, разбираться отдельно. Благо гордый, но далёкий Крепт не соперник Атики. В итоге Даримиру обещана свадьба, после которой он разделит трон Атики и получит власть над главами семей. Но всё это накрывается медным тазом, если винары уничтожат Атику, жемчужину Дзело. И чтобы этого не произошло, необходимо реализовать план Салима – заручиться поддержкой волхов. От Даримира нужны мех и переговорщики. После победы над винарами Атика расплатится золотом, а Даримир получит шанс жениться на Бахтии.

– Если Атика проиграет, с чем останется Даримир? – с усмешкой говорит Сава.

– Даримиру было обещано, – Виталик выдерживает паузу, – если Атика проиграет, Бахтия сядет на корабль и отправится в Крепт! Сама же Бахтия, как вы понимаете, и не подозревает о существовании этих планов: ни о женитьбе, ни о побеге.

Опять аплодисменты от Семёна Львовича.

– Даримир готов понести любые убытки, лишь бы получить Бахтию. Более того, в глубине души такой вариант кажется ему даже более желанным и романтичным. В общем, вернувшись домой, он снарядил корабль, забил трюмы мехом, погрузил три десятка лучников и отправил всё это в Атику в сопровождении советников и младшего брата. Цель – переговоры с волхами и, в случае необходимости, эвакуация Бахтии.

Повисает пауза. Снаружи нарастает стрекотание сверчков – наступает ночь.

– Я правильно понимаю, что корабль в Атику не доплыл? – нарушает молчание Сава.

– До берега добрался только младший брат Даримира, – отвечает Виталик и, осмотрев нас всех, добавляет: – ну, и три советника, судя по всему.

Мы снова молчим, вконец измученные. С моря тянет прохладой, но в палатке всё так же душно, пахнет тухлой рыбой.

– Уже темно, давайте искупаемся, – предлагает Сава и, не дожидаясь ответа, поднимается с пола и выходит наружу. – Идёмте!

Вскакиваю на ноги и выхожу за ним. От резкого подъёма и свежего воздуха кружится голова – плевать! Снаружи – лёгкий ветерок по липкому телу и слипшимся от пота волосам. Семён Львович и Виталик без промедления присоединяются. Рынок тёмный, дальше в домах свет. Уличных фонарей мало. Слева Атика, светится миллионами огней. И звёзды – крупные, так много звёзд я ещё не видел. По мягкой пыли идём к морю.

– Не удивлюсь, что к истории с кораблём кто-то из глав семей приложил руку, – задумчиво говорит Сава.

– Ты абсолютно прав, – отвечает Виталик. – Как бы ты ни скрывал свои намерения, в конечном итоге о них узнаёт Морэ. Всё вокруг буквально пронизано его агентами и осведомителями.

Морэ не высоко оценил план Салима и продал его винарам. Те отнесли к нему не в пример серьёзнее: решили перехватить крептов в море. Снарядив целую каракку, сняли флаги и легли в дрейф у восточного побережья Атики. Каракки винар узнаваемы по форме и размерам, так что особо не прятались, устраивая засаду. Ударили четырьмя залпами выше ватерлинии – всё в цель. Били хитро, чтобы не затопить судно. Но взрывы повредили крепления груза в трюме: кроме меха, в помощь Атике везли пушки, ядра, ружья и прочее. Груз сместился на повреждённый борт, судно зачерпнуло воды, завалилось на бок и быстро ушло под воду вместе с драгоценным мехом и не менее драгоценными стрельцами в синих с золотом камзолах. Через сутки рыбацкая шхуна выловила четырёх счастливых.

Виталик протягивает Саве открытую ладонь, Сава хлопает по ней своей.

– Теперь Морэ наводнил припортовые районы наёмными убийцами, чтобы перехватить выживших крептов, если такие найдутся.

– А как же Сирто? Мы же сообщили о прибытии, – мы подходим к морю, и я пытаюсь развязать узел на бечёвке, поддерживающей брюки.

– То, что Сирто узнаёт о нас, уже не важно: к тому времени мы доберёмся до Бахтии. Вторых, главы не имеют общих дел. Сирто не настолько смел и самоуверен, чтобы ввязаться в сговор с винарами. Тот же Морэ может в короткий срок собрать огромную армию – до двадцати тысяч, плюс тысячная гвардия и охранные роты. Но не Сирто. Впрочем, против Бахтии никто из них воевать не будет. Вера!

– А что Салим? Как он отреагировал на потерю корабля? – узел не развязывается, рванул сильнее, и сырая бечёвка лопнула. Дальше иду, поддерживая брюки руками.

– Салим подозревает неладное: корабль должен был прийти неделю назад, а его всё нет. Будет ему сюрприз.

Вода тёплая, ласково смывает липкий пот, слегка пощипывает обожжённую кожу и шишку на голове. Лежу на спине, смотрю на звёзды. Рядом Сава, подложив обе руки за голову. Мы долго лежим в тишине.

– Я думаю, – Семён Львович стоит по пояс в воде, руки в боки, на груди поблёскивает большой серебряный крест (как он сюда попал?), – наша цель – не допустить краха Атики. Предлагаю принять её как основную и распределить роли: Ивана наречём братом Даримира, а мы – советниками.

– Да, образы соответствуют, – соглашается Виталик, всматриваясь вдаль: со стороны города показались движущиеся огни – возможно, всадники, возможно, караул.

– Хорошо, – Сава тоже заметил огни. – Пойдёмте, а то упустим.

Мы выбираемся на берег. Немного подсохнув, натягиваю брюки. Приходится идти, придерживая штаны руками – времени нет: огни уже близко.

Действительно, всадники. Мы встречаемся на дороге недалеко от палатки. Четверо, с факелами. На них много золота: в золоте, сверкая, отражается огонь факелов. Золотые накладки на плечах, руках, груди, коленях, золотые шлемы в форме головы хищной птицы, даже сапоги поблёскивают золотом. Очень длинные кривые мечи в ножнах – ощущение, что не хватит длины руки, чтобы достать их. Белые рубахи и штаны. Расшитые золотом белые плащи, напоминающие римский сагум. Общий вывод: сражаться в таком облачении неудобно – солдаты парадные. И сами как на подбор: не братья, конечно, но все стройные, высокие, приятной внешности. Золотые караульные Бахтии.

Один всадник спешивается – очевидно, командир караула. За исключением нижней трети лицо покрыто золотой краской. На золотом нагруднике отчеканен лик Бахтии на фоне солнца. Действительно, очень похоже на Медузу. В руке – золотой медальон, переданный мальчишкам. Видно, что вещь для командира значима: спрашивает весьма учтиво.

– Да, это наша печать, – холодно отвечает Семён Львович. – Где мальчишки, что передали её вам?

Командир потупился: к такому тону он не привык, но сила печати. Он поворачивается и указывает рукой в сторону деревянной закрытой повозки.

– Отлично, доставьте нас к хранителю печати, он ждёт нас, – Семён Львович не намерен давать каких-либо пояснений, направляемся к повозке. Командир молча провожает нас взглядом.

Большой вагончик, обитый железом, запряжён двумя лошадьми. На козлах – возница, женщина средних лет, смотрит на командира. Получив знак, спускается, отодвигает железный засов и открывает дверь. В чёрном проёме появляются две лохматые головы – это Си и Гел, улыбаются.

– Ну что, друзья-товарищи, как поживаете? – мы улыбаемся в ответ.

Дворец

В вагончике темно, пахнет деревом и дегтем. Мы поблагодарили мальчишек и, договорившись с командиром караула, довели их до дома – около километра вверх по дороге от рынка. Теперь повозка, переваливаясь на кочках, медленно движется за караулом в Атику. Сквозь зарешеченное оконце проникает ночной воздух с запахом полыни. В полутьме блестят глаза. Отключиться не получается: жёсткие деревянные скамейки, на которых подпрыгиваешь.

– Виталий, что ты сам думаешь насчёт волхов? – Семён Львович нарушает тишину. – Действительно ли это шанс на благополучный исход?

– Думаю, то, что винары отреагировали на план Салима со всей серьёзностью, говорит о многом. Снарядить каракку, организовать экспедицию скрытно и срочно – дорогого стоит. Кроме того, Древет достал из чулана сына прежнего вождя волхов, обосновавшегося в Свободном городе. Очевидно, готовит переворот.

Волхи могут выставить до пяти тысяч воинов, плюс наёмники потянутся на родину – не все, но на тысячу можно рассчитывать. Единственный сухопутный путь в Атику идёт через их землю, так что винарам не пройти мимо. Изоляция потребует крупных сил: винарские пехотинцы, арзуские копейщики, рейтары в поддержке. Иным способом волхов не удержать.

– Какой расклад в итоге?

– Давайте считать, – Виталик ёрзает, устраиваясь поудобнее. – Древет под флагом Винарии собрал сто тысяч, не считая флота. Атика в лучшем случае – пятьдесят пять. Для изоляции волхов винарам нужно отвлечь не менее двадцати тысяч. Превосходство редет.

– Необходимо договариваться с волхами.

– Да, но меха у нас нет, – усмехается Сава. – Впрочем, даже если бы он был, мы бы вряд ли повезли его волхам: с руками оторвут.

– Конечно. И сообщать о потере меха нельзя. Пока об этом знаем только мы, – сосредоточен Семён Львович. – Я правильно понимаю, Торкапра рассчитывает на другие предпочтения?

– Да. Он выжидает, анализирует данные от наёмников по всему миру. Диковат, но не глуп, особенно в поиске выгоды. Может запросить что угодно: узаконить семью в Атике или... да что гадать? У него сейчас выбор.

– А другие племена в предгорьях?

– Балом там правит Торкапра.

Тем временем повозка въезжает на булыжную мостовую, тряска отдаётся в спину. Встаю, прикипаю к оконцу. По ходу движения видна городская стена – очень высокая, тринадцать-пятнадцать метров. Вдоль дороги спят дома, разросшиеся за пределами стены как грибы после дождя, воздух тёплый, пахнет яблоками.

– А почему мех, а не золото? – прерывает паузу Сава.

– Мех прекрасен: символ достатка и тепла – на вершинах их гор круглый год лежит снег. Но главное, религия: они верят, что мех и вещи, обрамлённые мехом, перейдут с ними в иной мир, где их количество и красота определяют статус и вечность.

Золото ценят, но золотом им платят за наемников. Причем купить наёмника можно только за золото в самородках. Вес определяет их количество и срок службы. Вождь всегда берет себе ровно половину.

У них занятая традиция: перед уходом, когда наёмник уже в седле, ему преподносят часть заплаченного золота. Наёмник жуёт его могучими челюстями и выплевывает золотую жвачку на землю. Такому золоту есть название – «золото волхов». Впрочем, теперь оно копируется наравне с нежёванным: подделывать легко. После отъезда отца сын подбирает золото с дороги. Кстати, волх может стать наёмником только при наличии сына.

Ночь в разгаре, в повозке прохладно, укрыться нечем. Сава, оборвав брючину по колено, смастерил подвязку для моих штанов. Аккуратно обвязываю – руки наконец свободны.

Снаружи светлеет от городских огней. Через огромные ворота мы въезжаем в Атику.

– В основном уличные фонари на китовом масле, ближе к центру – на газе и керосине, – комментирует Виталик, – керосин раньше покупали у винар, теперь запасы на исходе.

Широкая булыжная мостовая, трёхэтажные здания, освещённые окна, балконы с цветами. Ночь глубокая, но на улице прохожие, проезжают экипажи. Запахи сменяют друг друга: сладкая выпечка, гарь фонарей, гнилые отходы, сады, мокрая мостовая. Есть и пить хочется до головокружения. Повозка тормозит на перекрёстках – я проваливаюсь в сон.

Передо мной мальчик, похожий на фарфоровую статуэтку. Смотрит, держит за руку – провожает, прощается. Его зовут Альт. Старая полуразрушенная башня. Безысходная тоска.

Дверь со скрипом открывается. Влажный воздух, стук дождя по крыше. Выходим по одному. Перед нами освещённое факелами крыльцо из белого мрамора, массивные двери – чёрный вход в белокаменный дворец. Охватить взглядом целиком не выходит: стоим близко. Напоминает «константинопольский» собор, увиденный с моря. По бокам выстроены знакомый караул, вдоль лестницы ещё солдаты поблёскивают намокшим золотом.

На лестнице под парусиновым зонтом нас встречает невысокий мужчина. Средних лет, толстый, круглое лицо, аккуратная чёрная борода. На нём красный халат, расшитый золотом, на голове золотой обруч, переливающийся камнями. Это Салим, встревожен. Спускается к нам, нервно потирая ладони. За ним с зонтом – невероятных размеров гигант. Белая шёлковая рубаха обтягивает могучие мышцы, лысый череп цвета зелёной маслины, на ремне кривой меч. Атлант с портика Эрмитажа. Таким предстал первый волх—наёмник.

– Кто вы? – Салим осматривает меня сверху вниз.

– Доброй ночи, многоуважаемый Салим, – прикладываю руку к груди. – Перед вами младший брат правителя Крепта и его советники.

Все, кроме меня, кланяются. Я стою гордо, даром что ли брат правителя. Салим смущается на мгновение, затем кивает учтиво.

– Рад, что вы спаслись и добрались в здравии. Сочувствую вашей потере.

Пауза.

– Знакомство продолжим завтра. Отдыхайте, ночь ещё долга.

Едва заметным движением Салим подзывает женщину в жёлтом цепао с красными цветами. Она пряталась под бумажным зонтом за спиной волха.

– Это Син, старший смотритель дворца, устроит вас с удобствами, – Салим, отвесив мне поклон, уходит вверх по лестнице. Син ждёт в полупоклоне, пока он не скроется за дверью.

– И всё? – Сава паясничает, разводя руками. – Не теплее ли приёма ждали?

– Разыгрывал шутов, зубоскалов...

– А ведь какой художник был, какой талант! – Сава заканчивает цитату из «Лебединой песни» Чехова, начатую Семёном Львовичем.

Семён Львович зачем-то берёт Син за локоть и почтительно ведёт вверх по лестнице. Поднявшись на пару ступенек, Син осторожно высвобождает локоть:

– Прошу прощения, нам не сюда.

Гомерический хохот Савы, откуда только силы берутся? Син гордо спускается и делает приглашающий жест рукой. Мы, под осуждающий шёпот Семёна Львовича в адрес Савы, огибаем лестницу и находим широкий спуск в полуподвал. Массивная деревянная дверь распахнута настежь.

Бесконечный коридор под арочными сводами из красного кирпича, газовые светильники на стенах. Двери по бокам, множество дверей. Запах плесени, сырость. Отчётливый звук воды: вероятно, под дворцом течёт река. Мы идём медленно, долго, поворачиваем, поднимаемся по лестницам и наконец оказываемся в большом зале.

– И столовая дубом обшита! – восхищается Сава, цитируя Булгакова.

Зал действительно красив: высокий потолок с фресками и позолоченной лепниной в виде дубовых листьев и желудей, мощная колонна в центре, стены обшиты красным деревом с золотыми жилами. Витражи из зелёного и жёлтого стекла, малахитовый пол. В углах – три деревянные кровати, четвёртую вносят четверо подростков—мальчиков через центральный вход. Через открытые массивные двери виден сверкающий золотом коридор. Нас, с нашим непрезентабельным видом, провели через чёрный ход. Девушки в розовых цепао раскладывают на кроватях цветастые матрасы, расстилают простыни, готовят постели. Ещё две сервируют ужин на столе с фигурными ножками.

Отдельная комнатка в зале – моечная (хаммам) в белом мраморе: бочки с водой, медные краники. Там же туалетные кабинки: обшитая мрамором ниша с дыркой в полу. Судя по шуму, она ведёт напрямиком в речку под дворцом. Глиняный кумган.

Син стоит перед нами, подняв руку. Рядом с ней маленькая черноволосая девочка с красивым круглым лицом, лет пятнадцати. У Син торжественное выражение, девочка скромно смотрит вниз.

– Это Сали, – Син грациозно указывает на девушку, обращаясь ко мне. Та кланяется, сложив руки на груди.

– От имени Салима преподношу этот дар вам в знак искренности его намерений и крепости союза! – Син повторяет поклон и ждёт моей реакции.

Я озадачен таким подарком. Неловкая пауза. На помощь приходит Виталик:

– Не молчи, поблагодари! Это очень щедрый подарок! – он кивает на Син.

– Прошу передать Салиму мою признательность и благодарность!

Син кивает, смущённая: не такой реакции ждала. Тем не менее представляет мне девушку – пока у неё нет имени, дать его должен я. Она предлагает умыться, переодеться, желает хорошего отдыха и уходит. Сали остаётся и, как хвостик, следует за мной.

– Объясни толком, – обращаюсь к Виталику.

– Сали – племя по соседству с волхами в западных предгорьях, – объясняет он, ковыряя пальцем золотую жилу в стене. – Охотники и рудокопы, полное равноправие: и мужчины, и женщины. Охотники, понятное дело, охотятся.

– Рудокопы копаются, понятное дело, – улыбается Сава.

– Именно. Глубокие шахты: руда, уголь, вагонетки.

– А наша красавица – охотник или рудокоп?

– Наша..., – Виталик устало вздыхает. – Давайте отдохнём.

В моечной – керамические тазы, кувшины с тёплой водой, ароматная пена. Мы совершенно голые – нас еле раздели, Семён Львович отстоял панталоны. Я без сил на мраморной скамье, Сали аккуратно трёт спину, избегая сгоревших мест.

– Так что дальше? – окликаю Виталика. Ему вылили кувшин на голову, он отфыркивается.

– В этих шахтах много урановой руды. Ею мало где используют – в основном красят керамику и стекло. Но руда радиоактивна, и, возможно, радиация повлияла: у Сали стало рождаться много глухонемых детей. Таким сложнее стать охотниками или рудокопами, вот их и воспитывают слугами—охранниками.

– Боюсь спросить: рождаются глухонемыми или им «помогают»? – подаёт голос Сава, весь в пене.

– Хороший вопрос, – грустно улыбается Виталик. – Сали разработали специальный кодекс для таких детей. С рождения их обучают без перерыва: в итоге выходят слуги, способные ухаживать, лечить, готовить и защищать хозяина. Слава о них быстро распространилась по Дзело. Слуг Сали покупают богатые семьи и стоят они дороже волховских наёмников.

– Спрос превысил предложение, – вставляет Сава.

– Да. Приходится увеличивать число таких детей. Это дорогой подарок.

– Как она у него оказалась? – спрашивает Семён Львович, обернутый белой простыней.

– Купил. Как и саму Син, она ведь тоже Сали. Количество таких слуг в доме и волхов за его пределами – мерило благосостояния и положения не только в Атике. Нужно дать имя девушке, так она поймёт, что ты её принял.

Облачённые в цветастые халаты, мы за столом. Глаза слипаются, но голод гонит сон. Жадно едим: хлеб, кислый солёный творог, мягкий сыр с орехами, тушёные овощи вроде помидоров и баклажанов, вяленое мясо, вино, холодное пиво – всё, что найдешь ночью на кухне.

Наконец на кровати. Сали подгибает одеяло, светильники тускнеют. Свет играет в золотых жилах стен и цветных стеклах витражей. Запах дерева. Я не погружаюсь в сон, я залетаю в него как ядро, выпущенное из пушки.

Башня

У черного провала

Я прихожу в сознание от огромных капель дождя, что больно хлещут по закрытым глазам. Поворачиваюсь на бок, но подо мной уже глубокая лужа. Вода врывается в нос и попадает в лёгкие. Откашливаюсь, встаю на четвереньки. Ночь, ливень стеной, чёрная грязь, холод пробирает до костей. Прикрываю глаза рукой, вглядываюсь в тьму. Металлические кандалы впиваются в шею, цепь тянется к полуразрушенной средневековой башне из светлого камня. Из дверного проёма льётся свет: там мерцает костёр.

Спотыкаясь, поскользываясь, цепляясь за цепь, с трудом добираюсь до входа в башню. Проход сквозной. Внутри пусто, горит только костёр. Цепь вбита в стену огромными гвоздями, похожими на железнодорожные костыли. Под окном свален хворост и дрова, к стене прислонён прямой обоюдоострый меч позднего средневековья. У огня на камне под тканью – заплесневевший хлеб и кувшин с прокисшим молоком.

Пробую поддеть мечом цепь. Без толку: клинок гнётся, цепь намертво вбита в стену. Из хвороста сооружаю перекладину, снимаю и развешиваю промокшие чёрные штаны. Длинную рубаху-кафтан из-за цепи полностью не снять. Оставляю висеть на ней, авось высохнет. Устраиваюсь у костра, растираю онемевшие ступни и кисти.

Странно, но я нисколько не удивлён – верный признак сна, хоть ощущения реальны. Так, где я? Сон, очередной выход? Почему один, закован? Где все, где Сава? Может, он тоже прикован где-то неподалёку.

Дождь стихает, снаружи светлеет: рассвет. Выбравшись наружу, подбирая длинную цепь, хожу и разглядываю окрестности. Башня выстроена на возвышенности – часть полуразрушенной каменной стены, тянущейся вдоль склона. Перед ней глубокий овраг с чёрным провалом в центре. С той стороны оврага подъём вертикальный, с этой – пологий.

– Сава! – кричу, сложив ладони рупором.

Низкий протяжный звук, похожий на альпийский рог, перекрывает мой крик. Он доносится из провала. Вдруг за стеной мелькает кудрявая голова Савы! Нет, показалось: всего лишь большой чёрный ворон на камнях.

«Бери оружие!» – отчетливо слышу голос Виталика в голове.

Провал изрыгает новый звук: теперь это вопль тысяч людей в смертельном ужасе. Невыносимо, закрываю уши руками. Пугаясь в цепи и спотыкаясь, бегу назад к башне. Оружие осталось там.

Оборачиваюсь и замираю: из бездны лезут жуткие человекоподобные твари. Красная кожа в волдырях, круглые безглазые черепа, вытянутые конечности. В передних лапах, похожих на богомолы, вживлены длинные плоские мечи. Выбравшись, они принохиваются: пятеро чудовищ.

Вопль внезапно обрывается, словно кто—то захлопнул дверь в ад. Опираясь на мечи, твари бросаются вверх по склону.

Я стою у входа. Страшно, но меч знакомо лежит в руке: ощущаю тяжесть и, главное, навык. Первая взлетает в прыжке и атакует. Рву дистанцию шагом назад. Её лапы-мечи вонзаются в камни крыльца, раскалывая их. Выпад, удар в горло насквозь. Вторая нападает справа: шаг назад, блок, шаг вправо, сношу голову. Третья замирает в двух шагах, вытянув шею, будто вглядывается.

Смотрю в её безглазое, пугающе безобразное лицо – не отвести взгляд.

Вдруг меня пронзает нестерпимая боль, словно заживо варюсь в кипятке. Но это не моя боль. Она вокруг, и понимание этого спасает от мгновенного безумия. Непроглядная темнота. Но через секунду звуки и запахи рисуют многослойную картину мира.

Я слышу и чувствую стоящего напротив: шум крови в его венах, скрип суставов, даже взмах ресниц. Это я, моё тело напротив. Моё сознание в теле страшной твари из недр земли. Вижу её цель: моё сердце. Шаг вперёд, удар. Споткнувшись о труп сородича, тварь теряет равновесие, меч чиркает по касательной, ранит левое плечо. Жгучая боль возвращает меня в своё тело. Искры из глаз, заваливаюсь назад.

Тварь, как огромная саранча, перепрыгивает меня и выскакивает за стену. С пронзительным криком она скрывается в густой темноте кустов и деревьев. Меня выворачивает.

Две оставшиеся мчатся к входу. С трудом встаю, плечо кровоточит. Придерживая цепь раненой рукой, первую встречаю в проёме: отбиваю удар в сторону, пронзаю череп. Вторая пытается перехватить сознание, но я теперь начеку, удар наотмашь. Голова с глухим стуком падает на камни.

Перешагивая трупы, возвращаюсь внутрь. Сильное головокружение. Переминаю хлеб с молоком, забиваю рану получившейся массой, затягиваю тканью. Надеюсь на плесень в хлебе.

Сижу на полу, привалившись к стене. Рана нещадно пульсирует, голова кружится, тошнит, весь горю. Заражение? Или эхо путешествия в голову твари? Погожу, скоро выяснится.

Через какое-то время слышу скрип деревянных колёс. В башню входят двое: высокий старик с длинными волосами и мальчик. У обоих совершенно белая кожа, прямые белые волосы, большие голубые глаза – словно ожившие фарфоровые статуэтки.

Мальчик несёт корзину с хлебом и молоком. Альт – так его зовут. Точно! Я уже видел его во сне. И эту башню.

Он украдкой поглядывает в мою сторону, выкладывает еду на камень, подкидывает дрова в костёр. Старик опускается передо мной на колени, внимательно всматривается. Осторожно отодвигает повязку, осматривает рану.

– Умно, – тихо говорит он, – но молоко прокисло. Может быть заражение.

Затем старик выходит из башни, осматривает трупы, удивлённо качает головой и оттаскивает их к краю оврага. Альт подобрал голову – видимо, всё сбрасывают в провал. Управившись, они возвращаются, проходят мимо меня к выходу. Старик держит мальчика за руку. На мой тихий хрип о помощи он не реагирует – словно собаку пришёл покормить. Альт сочувственно смотрит на меня и маленьким кулачком обозначает круг на уровне своей груди.

Вечереет. Я немного прихожу в себя – пот льётся градом, температура спала. Костёр совсем потух, в пепле ещё тлеют красные глазки. Нельзя потерять огонь. С трудом управляя затёкшим телом, выбираю хворост потоньше, раздуваю угли, развожу пламя. Подложив полено под голову, обустройстваюсь у огня.

– Совсем взмок, придётся поменять постель, – Лариса Петровна наклоняется надо мной и обтирает лицо холодным полотенцем.

Атика

Держатель печати

Витражные окна распахнуты. Снаружи ярко светит солнце. Нагретый солнцем воздух ощущается в зале.

– Хорош спать! – это Сава стоит у стола в бордовом халате, вышитом золотом. Под халатом желтые шёлковые штаны и рубаха. Семён Львович и Виталик в таком же одеянии, только вышивка у всех разная. Они сидят за столом, завтракают, тихо беседуют. На столе запечённое мясо и рыба, варёные страусиные яйца, сыр, творог. Я с удовольствием потягиваюсь – как хорошо снова оказаться в Атике.

Сали помогает встать и умыться. Проверяю плечо – раны нет. Облачаюсь в красную шёлковую рубаху, белые штаны, поверх – синий халат с золотом. Усаживаюсь за стол, с удовольствием жую хлеб с сыром, поглядывая на сотрапезников.

– Этой ночью мне приснился очень реалистичный сон, – обращаюсь к Семёну Львовичу, – даже не знаю: сон это был или очередной «выход».

– Ну-ка, расскажи, – Сава подсаживается ближе.

Вкратце рассказываю.

– Занятно, – Семён Львович откидывается на стуле, смотрит в открытое окно, – но у меня объяснений нет, только догадки. По чьей воле мы перемещаемся между мирами? И перемещаемся ли на самом деле? Ведь может быть, что это игра разума – пока наше тело в коме в какой-нибудь больнице. Или... Очень много «или».

Рассуждения Семёна Львовича прерывает Син. Она входит в зал через центральную дверь и приглашает на экскурсию по дворцу. Подвязав халаты, отправляемся в путь. Сали следует за мной.

Проходим длинный арочный коридор: стены в белом мраморе, золотой фриз, потолочная роспись. Далее – тематические залы, оформленные в стиле времён года, ночного неба или просто в определённых цветовых гаммах; картинные и портретные залы, столовые, кабинеты. Время от времени поднимаемся по дворцовым лестницам с резными балюстрадами, расписными вазами и канделябрами. Проходим мимо декоративных фонтанов, мраморных статуй, огибаем роскошные клумбы.

Кажется, что и нескольких дней не хватит, чтобы обойти весь дворец. Мы увидели только его парадную часть. Наконец, оказываемся в приёмной Салима – просторной комнате со множеством портретов. Вход в кабинет охраняет золотой караульный Бахтии.

– Многочисленные предки Салима, – кивая на портреты, поясняет Виталик. – Очень долгое время его род служит Бахтии.

Салим не заставляет ждать. Вхожу один, остальные остаются в приёмной, расположившись на длинном кожаном диване напротив большой чаши с фруктами. Кабинет обшит тёмным деревом, в углу каменный камин. На деревянных стеллажах – множество книг, карта Атики, огромный глобус Дзело, телескоп, барометр и ещё несколько незнакомых приборов. Классический кабинет учёного в викторианском стиле. Очевидно, Салим не только политик, но и исследователь. Это можно использовать.

Он приветствует меня стоя, предлагает кресло. Обмениваемся дежурными любезностями. Салим наливает и передаёт металлический бокал с вином, стараясь незаметно меня рассмотреть – оценить, что я собой представляю. Снаружи доносится хруст яблок: Сава без усталости поглощает одно за другим. Улыбаюсь.

– Полагаю, вы проинформированы о всех деталях наших договорённостей с Даримиром, – сразу переходит к делу Салим, прищурившись. В голосе сквозит высокомерие. – Скажите, с учётом известных обстоятельств, остаются ли наши договорённости в силе?

– Да, я посвящён во все детали, и да, договорённости остаются в силе. По-другому и быть не может. Вас что-то смущает?

– На вашем корабле был мех, полагаю? – уточняет Салим.

– Был, – пожимаю плечами.

– В таком случае, как вы собираетесь действовать в текущих реалиях? Можем ли мы рассчитывать на новую партию меха от Даримира?

Как действовать? Деталей не обсуждали. Есть ли мех? Или Даримир, одержимый любовью, выгреб закрома? Главное – не нравится мне этот экзаменаторский тон. Направим разговор в иное русло.

– Как собираемся действовать? – уверенно говорю я. – В текущих реалиях, как вы изволили выразиться. Когда наши планы почему-то стали известны вашим врагам. Когда ко дну ушли отборные лучники и крупная партия меха.

Салим морщится. Ему не нравится мой тон, уверенность.

– Враги? Вы думаете, винары имеют к этому отношение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.